

Лунц Лев

9.04.94

Литературное наследие

Рос. Вестн. - 1994 - 9 апр. с. 6

ВОСКРЕШЕНИЕ

Книга, выпущенная Санкт-Петербургским издательством «Композитор», воскресила из небытия необычайно талантливого писателя. В ярком созвездии литературного содружества «Серапионовы братья» он был звездой первой величины. Лев Лунц (1901 - 1924). Младший брат по перу Зощенко, Каверина, Тихонова, Федина и, наконец, Михаила Слонимского, чей сын, известный композитор Сергей Слонимский, выполняя волю отца, впервые в России добился издания сочинений Лунца.

Ирина ГОРЮНОВА

Судьба этого писателя трагична. Он скончался в эмиграции через несколько дней после того, как ему исполнилось 23, от неустановленной болезни. Но он намного опередил время, товарищей по перу, предопределив их творческую концепцию, а также удивительно, пророчески предсказав историческую фабулу будущего.

Книга носит название одной из четырех опубликованных пьес - «Вне закона». Пьеса эта написана восемнадцатилетним писателем задолго до шварцевских «Дракона», «Тени», герои которых прямые потомки лунцевской пьесы.

Сюжет и концепция ее крайне близки современникам: разбойник, живущий свободно, вне закона, приобретает огромную власть над толпами и незаметно становится тираном, куда страшнее свергнутого им канцлера.

Обращение к лунцевскому наследию не раз наталкивалось на противодействие «ортодоксов от марксизма» ждановского толка. На сочинения Лунца было наложено вето еще в 20-е годы, когда друзья решили издать собрание сочинений младшего Серапионова брата. То же повторилось в шестидесятые: комиссия по литературному наследию Льва Лунца практически довела книгу до типографского набора, который был разобран и предан забвению.

Тем не менее художнику в недолгий срок творчества удалось увидеть большинство своих сочинений опубликованными, частью за пределами России, частью рассыпанными по журналам, альманахам, газетам. А оставшиеся рукописи, пройдя сквозь войны, были сохранены родственниками и близкими писателя.

Об интеллекте и образованности Льва Лунца ходили легенды. В.Каверин в книге «Петроградский студент» вспоминает блестящий доклад Лунца о «Бесах» Достоевского, сделанный на одном из литературоведческих семинаров. К.Федин в своей книге «Горький среди нас» писал: «Один из самых молодых среди нас, он был, пожалуй, самым взрослым, потому что очень сознательно бился за обладание самым большим богатством литературного наследия, не смущаясь извилистостью путей. В окраске, которую серапионы получили в советской литературе, тон Льва Лунца был одним из сильнейших. Его статьи воспринимались как «серапионовские декларации». И наконец: «За узеньким столиком, с пивными бутылками, на мраморе которого бледно меркнет поздний свет, тесно и неудобно сидим все мы, кто остался в живых, девять из десяти... В этот день, поутру, пришло известие о смерти Льва Лунца... Его уход объединил нас в тесное кольцо, и это был апогей нашей дружбы, ее полный расцвет, и с этого момента, с этого года кольцо начало слабеть».

Не случайно в статьях и письмах Лунц немало размышлял о «делах и планах» «Серапионовых братьев» - литературного содружества, официально провозглашенного в 1922 году. В одной из статей он с гордостью написал: «Мы не товарищи, а братья!» Лунц окроплял это содружество не только живой водой идей и своей неумолимой энергией, но удивительной скромностью гения. Умирающий Лунц писал Максиму Горькому в 1923 году из эмиграции: «Главное мое утешение - письма из Петербурга. Серапионы хорошо работают, особенно Федин и Зильбер (Вениамин Каверин). Никитин почти отошел от нас, пишет прескверные фельетоны в «Правде» и вообще ведет себя по-московски. Мне это очень горько, потому что Никитин был одним из первых Серапионов. Но он - карьерист. Ему же будет хуже». Максим Горький любил Лунца и высоко ценил его литературный и человеческий талант. Сразу после смерти Лунца Горький написал: «В кружке Серапионовых братьев Лев Лунц был общим любимцем. Остроумный, дерзкий на словах, он являлся чудесным товарищем, он умел любить. Трудные девятнадцатый и двадцатый годы, когда «Серапионовы братья», как все в блокированной России, голодали и некоторые целыми днями старались неподвижно лежать, чтобы хоть этим приглушить сжигающую боль голода, Лев Лунц был одним из тех, кто думал о друге своем больше, чем о себе».

В рассказе «Родина» Лунцем с наилучшей биографической точностью воссоздана канва собственной жизни. Несмотря на взгляд художника и его образное обобщение, предметы времени и быта в рассказе весьма конкретны. Так же, впрочем, как и действующие лица - Вениамин Каверин и Лев Лунц. Два пласта -

реальный и фантастический, накладываются друг на друга в воображении художника, образуя новый философско-романтический пласт. В «Родине» и в других библейских рассказах фантастика пресечена прозрением. Жизнь развивает мечту и обнаруживает бесплодность мифа о «возвращении к себе». «Я узнал себя. И понял: все, что было во мне прекрасного и древнего: высокий лоб и восторженные глаза, - все осталось там, на дороге, что бежит через Цирцеиум к Риму в Иерусалим. По дороге той идут на родину иудеи... Петербург же раскинулся над Невой прямыми улицами и прямыми перекрестками. Стремительные, как солнечные лучи, улицы и огромные спокойные дома. А над Петербургом серое и холодное небо, родное, но чужое».

Для Льва Лунца само понятие «Родины», чувства, связанные с ней были окрашены в трагические тона. Человек незлым нравственным законом, он не знал компромиссов и осмеливался прослыть, с одной стороны - западником в своей приверженности инициативности личности. С другой - еврейским националистом в своей опоре на Синайскую заповедь.

В архиве писателя сохранился черновик, возможно, так и не отправленного письма (август 1922 года) М.Горькому. Это не только исповедь художника, но документ эпохи: «Я сейчас - одно сплошное сомнение, весь полон противоречиями... Первое сомнение (и самое жесткое): правильно ли поступил я, ударившись в литературу? Не то, чтобы я не верю в свои силы: верю в себя, может быть, слишком смело. Но я - еврей, убежденный, верный, и радуюсь этому. И я - русский писатель. Но ведь я русский еврей, и Россия - моя родина, и Россию я люблю больше всех стран. Как примирить это? - Я для себя примирил: для меня это ясно и чисто, но другие думают иначе. Другие говорят: «Не может еврей быть русским писателем...» Я не хочу писать так, как пишут 9/10 русских беллетристов... Я не хочу густого областного языка, мелочного быта, нудной игры словами, пусть цветистой, пусть красивой. Я люблю большую идею и большой увлекающий сюжет, меня тянет к длинным вещам, к трагедии, к роману, непременно сложному. Я за последние полтора года ничего не напечатал... Меня это не страшит. На то мне 21 год. Но кругом говорят, что я не русский... Что и люблю сюжет, потому что не русский. И что ничего из меня не выйдет».

Проза и драматургия Льва Лунца были отсечены от «советской литературы», ибо лишь слепок мог не заметить в них приговора и запечатленного итога творимых в двадцатые годы «великих преобразований». Рассказ «Исходящая № 37» («Дневник заведующего Кан-

целярийей») по сути своей - исповедь «служебной бумаги», в которую превращается советский бюрократ, озабоченный «внедрением новых начал». «Революционное общество», к которому Лунц обращался, отвергло Личность, навсегда закрывая перед ней горизонты творчества.

Театр Льва Лунца - особая ипостась творчества, предвосхищая драматургию самых различных направлений: Хармса, Беккета, Шварца, Булгакова, блоковских «Двенадцать» и т.д. Говоря о четырех пьесах Лунца, более всего сожалеешь о непоставленных спектаклях, несыгранных ролях, не состоявшихся режиссерских находках. Дай Бог, этой блестящей палитре идей, динамики, психологических открытий, сочной действительной фантазии найти сценическую реализацию.

Четыре пьесы: «Вне закона», «Бертран де Борн», «Обезьяны идут», «Город правды» - трагические истории «неправедных путей человеческого». И хотя от пьесы к пьесе меняются сюжетные аспекты, композиционные ударения и сценическая атмосфера, - нравственный вектор, объединяющий их, един. Бездуховность, как расплата за аморальность путей, на которые вступали многие искатели свободы.

Анатолий Луначарский, запрещая постановку пьесы Лунца, писал в своем «директивном письме», что «это есть самая обывательская и самая безнадежно тупая критика революции вообще. Ведь мы имеем перед глазами русскую революцию, которая происходит вот уже шесть лет. Где же эти честолубы? Где же эти развращенные властью люди?... Я не знаю ни одного из ста вождей революции, кто не жил бы скромной жизнью... без всяких властолюбивых мечтаний и поползновений... Какого же черта, в самом деле, станем мы ставить драмы, которые помоями обливают революцию, на наших глазах вышедшую с чрезвычайной честью из всех испытаний огромного переломного?»

История рассудила их, Луначарского и Лунца. Трагедия творчества художника, вынесшего «приговор» настоящему из будущего, подлинна. Сегодня настало время катарсиса. Время очищения. Сегодня из небытия воскрес художник, чья бескомпромиссная преданность искусству, чей талант и духовные искания - важная страница наших обретений.

В добрый путь, неистовый романтик, к новым берегам столь любимой тобой Родины.

Санкт-Петербург - Москва.

103